

Г. Никольсон

**Дипломатическое
искусство**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Никольсон**
Дипломатическое искусство / Г. Никольсон – М.: Книга по Требованию, 2013. –
118 с.

ISBN 978-5-458-52353-0

Гарольд Никольсон - английский дипломат и историк, перу которого принадлежит ряд книг по истории дипломатии и дипломатической практике. В 1941 году в Советском Союзе была издана широко известная книга Г. Никольсона "Дипломатия", а в 1945 году - "Как делался мир в 1919 году". Предлагаемая читателям новая книга - в оригинале именуемая "Эволюция дипломатического метода" - вышла в свет в 1954 году и представляет собой курс лекций, прочитанных автором в Оксфордском университете. Эта новая работа заслуживает внимания не только потому, что содержит интересный фактический материал о дипломатической технике в западноевропейских государствах, но и потому, что дает представление о том, чему учит будущих английских дипломатов такой знаток и авторитет в этой области, как Г. Никольсон.

ISBN 978-5-458-52353-0

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

пломата»*. Это определение дипломатии неисторично и крайне абстрактно, но и оно кажется Никольсону слишком широким, поэтому он пишет: «Взяв это точное, хотя и широкое, толкование для руководства, я надеюсь избежать как сыпучих песков внешней политики, так и болот международного права»**.

Как видно из этого толкования определения дипломатии в Оксфордском словаре, Никольсон хотел бы совсем отмахнуться от вопросов внешней политики, хотя в рассматриваемом определении имеется указание на то, что дипломатия — это ведение международных отношений посредством переговоров. В своей новой книге Никольсон остался верен своим позициям 30-х годов в толковании термина «дипломатия».

Новый труд Никольсона даже в своем названии подтверждает стремление автора к возможно более узкому истолкованию задач этой работы.

Чтобы все было ясно, автор сразу объяснил своим слушателям содержание курса лекций: «Этим четырем лекциям я дал общее название „Эволюция дипломатического метода“». Поставив слово «метод» в единственном числе, автор, по-видимому, хотел сказать, что он исследует все многообразие применяемых на практике дипломатических методов, сводя их к некоторому общему знаменателю — методологии дипломатических переговоров, и ставит перед собой задачу проследить эволюцию этой методологии.

Во избежание различного толкования содержания книги Г. Никольсон пишет: «Слово «эволюция» не означает непрерывный прогресс от зачаточных методов к совершенным. Напротив, я надеюсь показать, что международные сношения всегда были подвержены странным приступам регресса. Слова «дипломатия» и «дипломатический» будут означать не внешнюю политику или международное право, а искусство ведения переговоров. Понятие «метод» будет включать в себя не только сам порядок проведения переговоров, но и общую теорию, в соответствии с которой он осуществлялся». Своими уточнениями автор откровенно избавляет себя от необходимости связать свое исследование с проблемами исторических этапов в развитии общества и их влияния на внешнюю политику. Он полностью изоли-

* Г. Никольсон, Дипломатия, Госполитиздат, 1941, стр. 20.

** Там же.

руется от классовой борьбы и революций, разрушавших отжившие социально-экономические формации для того, чтобы проложить дорогу новым, более прогрессивным формациям человеческого общества. Автор изолирует себя и от дипломатии как инструмента внешней политики господствующего класса и его государственной власти в антагонистических обществах. Что касается дипломатии СССР и всей мировой социалистической системы, то автор с ужасом отмахивается от нее и старается просто не заметить того, что был современником Великой Октябрьской социалистической революции.

Замечания по содержанию книги. Первая лекция Г. Никольсона начинается с утверждения, что зародыши дипломатии, и в том числе дипломатического иммунитета, можно предполагать уже у пещерных людей с того момента, когда они «рассудили, что было бы выгодно условиться с соседями о разграничении охотничьих угодий. Такие соглашения о границах существуют и в животном мире, что особенно заметно у небольших птиц».

Охотничьи участки действительно существуют в природе у некоторых животных. Не исключено, что они были и у наших отдаленнейших предков, но это было только одним из явлений эволюции зоологических видов. Из всего животного мира только предки человека научились изготавливать орудия труда и в процессе труда выделились из животного мира как человеческое общество. У животных и «небольших птиц» осталась только эволюция их как зоологических видов, а у первобытного человека началась история как члена человеческого общества. Путать зверей и людей, то есть биологизировать общественные отношения, это, конечно, грубая и, может быть, преднамеренная ошибка: уж слишком явно стремление Г. Никольсона представить дипломатию как вечную категорию, которая всегда существовала и никогда не исчезнет. Такие приемы представляют для Никольсона спасительный клапан, при помощи которого он пытается отделаться от сложных вопросов возникновения и развития первобытного общества, на высшей стадии которого развилась собственность, возникло рабство — первая форма эксплуатации человека человеком, а вместе с ним образовалось и государство, хотя бы в самой зародышевой форме.

Вполне допустимо, что еще до возникновения классового общества и государства существовали межродовые и

межплеменные отношения с какими-то очень простыми переговорами и даже соглашениями. Но это, конечно, еще не была та дипломатия, которую мы знаем и изучаем в истории классового общества, когда она стала частью политической надстройки в этом обществе, являясь одним из средств осуществления внешней политики классового государства.

После краткого историко-социологического введения, о котором говорилось выше, Никольсон переходит к тому, что ему хорошо известно,— к историческим документам раннего и более позднего Афинского рабовладельческого государства, возникшего на руинах патриархального родового общества. Здесь уже можно говорить о том, как складывалась дипломатия с ее переговорами, иммунитетом послов и т. д.

С этого момента Никольсон, хороший знаток фактического материала, начинает мастерски излагать свой предмет со свойственным ему даром недюжинного популяризатора.

Древняя Греция. После шутливого замечания о том, что дипломаты древней Греции имели своими покровителями бога Гермеса и даже самого Зевса, Никольсон переходит к расшифровке древнегреческих терминов и высказываний, связанных с первыми шагами дипломатии. Здесь уже можно найти сведения о дипломатических переговорах того времени, а также о различных типах соглашений.

Давая оценку положению дипломатов в античном обществе, Никольсон пишет, что греческая демократия проявляла столь большую подозрительность в отношении собственных дипломатов, что миссии обычно составлялись из нескольких послов, представлявших различные партии и взгляды, что, конечно, приводило к политическому разброду внутри миссии и снижало эффективность ее деятельности. Знаменитый оратор и дипломат Демосфен, приехавший для переговоров в Македонию в составе такой миссии, даже не хотел спать под одной крышей со своими коллегами.

Резюмируя описание таких странных особенностей древнегреческой дипломатии, Никольсон пишет: «Представляется курьезным: для чего такому разумному народу надо было допускать сохранение столь негодного метода дипломатических сношений». Этим замечанием Никольсон невольно подтверждает ошибочность отрыва дипломатии от политики, и не только внешней, но и внутренней.

Автор не сделал бы такого замечания, если бы он мог позволить себе обратиться к марксистской исторической литературе, например к такой блестящей научной работе, как книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В этой работе Г. Никольсон увидел бы, как мучительно рождалось рабовладельческое Афинское государство на развалинах родового строя, погибшего в результате развития частной собственности на землю, товарного производства и торговли. Энгельс на большом материале убедительно показал, как развивалась эксплуатация человека человеком среди свободных греков, как в результате этого росла ожесточенная борьба между крупными и мелкими землевладельцами, как зародилось долговое рабство, как укреплялась прослойка богатых торговцев и преуспевающих ремесленников, а также другая прослойка — городская беднота. Эта ожесточенная внутренняя борьба привела к реформам Солона в 594 году до н. э.

По конституции Солона были отменены долги, и все зарабаленные кредиторами греки стали свободными. Рабство было сохранено только для пленных. С увеличением количества рабов-иноземцев усилилось и Афинское государство, охранявшее рабовладельцев и их общественный строй. Возник основной антагонизм между рабовладельцами и рабами, но наряду с ним сохранились социальные противоречия между различными прослойками свободных греков, что нашло свое отражение, в частности, и в личном составе греческих дипломатических миссий.

Рабы были исключены из жизни общества, а свободные греки вовсе не были равны, и между их различными фракциями шла напряженная партийная борьба. В Афинском Совете пятисот (представители от десяти племен свободных греков) эти внутренние распри проявлялись в самых острых разногласиях. Аналогичные разногласия, и, быть может, в более наглядном виде, имели место в Народном собрании. Этим объясняется и возмущение Демосфена медийностью принятия решений со стороны совета и Народного собрания, где приходилось, как цитирует Г. Никольсон, «отстаивать внесенное предложение перед лицом несведущей и часто недобросовестной оппозиции».

Демосфен в своей речи против Эсхина обвиняет афинян в том, что они безучастно ожидают катастрофы и не принимают мер для собственного спасения. Никольсон усмотрел

здесь прежде всего осуждение Демосфеном «методов дипломатии, выработанных великой афинской демократической республикой», а на самом деле из речи Демосфена, который лично не был противником рабовладельческого строя, можно было бы извлечь аргументы для осуждения этого строя, впавшего в противоречие с самим собой. Развитие рабовладения, с одной стороны, было показателем роста могущества Афинского государства, а с другой стороны, порождало величайшую слабость всего строя. Большинство свободных греков погибало или нищало в бесконечных войнах и междуусобицах, богатела только олигархическая верхушка этого общества, что приводило все общество, весь этот строй к неизбежному ослаблению и в конечном счете к гибели под ударами иноземных полчищ варваров, естественными союзниками которых становились рабы.

Главную причину беспорядочности и неэффективности древнегреческой дипломатии Никольсон видит в том, что на дипломатические переговоры решающее влияние оказывала «толпа». Такой вывод Никольсона нельзя считать случайным. Являясь противником «открытой» дипломатии, Никольсон стремится даже на фактах глубокой древности доказать необходимость такого типа дипломатии, которая ограждала бы внешнюю политику правительства от воздействия со стороны народа.

Римская империя. Переходя к дипломатии Римской империи, Г. Никольсон не позабылся показать особенности этой империи по сравнению с Афинским государством и другими государствами древних эллинов и их завоевателей. Он сразу начинает с того, что римляне могли бы показать образцы более квалифицированных методов дипломатических сношений, но «не преуспели в этом по вине своего величия... и стремления... навязать свою волю другим народам вместо того, чтобы вести переговоры на основе взаимности».

Римская империя пришла на смену Афинскому государству и империи Александра Македонского. Она была также рабовладельческим государством, но впитавшим в себя исторический опыт Афинского государства с его высокоразвитой культурой. Вместе с тем Римская империя обладала более мощной социальной базой на Апеннинском полуострове, и государство свободных римлян было куда более сплоченным. Отсюда возникла возможность проведения захватнической политики, которая преследовала цель приобретения новых обширных территорий и новых рабов

или данников, составлявших основу могущества Римской империи.

Никольсон хотя и не одобряет римскую дипломатию, но все же признает, что она сделала несколько шагов вперед по сравнению с дипломатией Афинского государства. Однако вместе с тем Никольсон утверждает, что методы римской дипломатии не применимы к обществу, состоящему из национальных государств и построенному на принципе их равенства. Такое утверждение Никольсона справедливо только в том смысле, что нельзя повторить внешнюю политику рабовладельческого общества в эпоху капитализма и тем более империализма, как высшей и последней стадии развития капитализма. Что же касается империализма, как политики захвата чужих земель и покорения чужих народов, то тут соотечественник и современник Г. Никольсона Дж. А. Гобсон в своей известной книге «Империализм», изданной в Лондоне в 1902 году, подходит гораздо ближе к истине, чем Никольсон.

В. И. Ленин положительно отзывался об этом исследовании Гобсона, указав, что оно содержит «очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма»*. В Ленинских «Тетрадях по империализму» содержатся многочисленные выписки из этого сочинения Гобсона, и в частности говорится следующее: «*Но вый* империализм по существу ничем не отличается от своего древнего образца» (Римская империя). Он такой же *паразит***. В. И. Ленин, не занимаясь сравнительным изучением дипломатических приемов древнего Рима и, например, империализма Великобритании, в то же время выписывает из сочинения Гобсона такие опасные для концепции Никольсона выводы английского ученого: «Организация больших туземных армий, вооруженных „цивилизованным“ оружием, вымуштрованных „цивилизованными“ методами, под начальством „цивилизованных“ офицеров, являлась одной из наиболее характерных черт *последних этапов развития великих восточных империй*, а затем и *Римской империи*. Она оказалась одним из *опаснейших изобретений*, придуманных *партизизмом*, в силу которого население метрополии вру-

* В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 183.

** В. И. Ленин, Тетради по империализму, Соч., т. 39, стр. 413—414.

ает защиту своей жизни и имущества в ненадежные руки покоренных племен" под командой честолюбивых проконулов*. Далее Гобсон пишет, что по этому пути Великобритания пошла дальше всех и, например, Индия была в большинстве сражений завоевана туземными войсками под командованием английских офицеров.

Никольсону отлично известно, что британская дипломатия в своей внешней политике успешно пользовалась римским принципом «разделяй и властвуй», а также и методами подкупа представителей паразитической верхушки колониальных народов, делая это более квалифицированно, чем простоватые римские политики и дипломаты. Уже поэтому ли Никольсон так отмежевывается от империалистических методов римской дипломатии?

Англичане, конечно, не берут заложников из среды аристократии своих колоний, но охотно обучаются их детей в Англии и засылают своих миссионеров в колонии. Это тоже практически и сулит некоторые дополнительные выгоды в политике. Умалчивая об этой английской практике, Никольсон, напротив, забавно рассказывает о двух английских «заложниках» в Париже в 1748 году, которые в качестве живых гарантов выполнения Аахенского мира прошли несколько приятных месяцев, слоняясь по кабакам и театрам Парижа.

Итальянская система. Переходя к итальянской системе дипломатических методов, Никольсон проявляет нескрываемое раздражение при ее оценке. При этом он по-прежнему уклоняется от исторического анализа, который мог бы объяснить многие пороки и недостатки этой системы. Основной источник этих пороков Никольсон видит за Востоке. (Ох, уж этот коварный Восток!) Известно, что венецианцы были учениками византийских дипломатов, а потом сами стали наставниками монархов Западной Европы и их министров в дипломатическом искусстве переговоров. Чтобы не очень уж бранить венецианцев, Никольсон хвалит их за почин в создании великолепного архива дипломатических документов, хорошо обработанных и занесенных в специальные описи. Тут с Никольсоном согласятся все дипломаты и историки: систематизированные документы — полезнейшее дело. Никольсон вполне спраедливо одобряет хорошую информацию послов Венеции

* В. И. Ленин, Тетради по империализму, Соч., т. 39, стр. 394—395.

из центра о политическом положении в своей стране, а равно и в других странах. Это полезное начинание и поныне используется всеми министерствами иностранных дел.

Никольсон возмущен применявшимися в итальянской системе дипломатии методами обмана, двурушничества и подкупа, а также свойственной ей крайней подозрительностью. Он пишет: «Свою хрупкую государственность, свои жалкие средства обороны они пытались дополнить дипломатическими комбинациями. Даже по сей день итальянское слово «комбинации» имеет зловещий смысл. Сознавая эфемерность своего существования, эти деспоты и олигархи добивались только ближайших результатов. Они и не помышляли о ценности политики дальнего прицела или о создании атмосферы взаимного доверия». Никольсон невольно описал то, что было типичным для раздробленности феодального строя и его дипломатии весьма мелкого масштаба. Идеологом этой «комбинационной дипломатии» Никольсон считает Никколо Макиавелли, хотя и с некоторыми оговорками. Здесь Никольсон впал в историческую ошибку. Макиавелли был идеологом ранней абсолютной монархии и в конечном счете выразителем чаяний и надежд формировавшейся итальянской буржуазии, для которой феодальная раздробленность была тяжкими оковами, а создание крупного и сильного, хотя бы и дворянского, государства было все же лучшим выходом, чем дикий произвол враждовавших между собой мелких феодалов или слабых итальянских республик. Не случайно К. Маркс считал Макиавелли, Гоббса и Спинозу прогрессивными мыслителями своего времени, изображавшими силу как основу права. Все трое написали крупные работы, посвященные вопросам создания прочной государственной власти. Макиавелли сам был дипломатом и насмотрелся на итальянские «комбинации» в их самом отвратительном виде. За десять лет до завершения своего основного труда «Государь» Макиавелли дал «Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, сеньора Паоло и герцога Гравина Орсини»*. На страницах этого труда, как в капле воды, Макиавелли отразил мерзость феодальной дипломатии с ее обманом, предательством, нарушением клятв и убийствами, применявшимися по са-

* Н. Макиавелли, Сочинения, т. I, М.—Л., 1934, стр. 143—153.

ым мелким и гнусным соображениям. Через десять лет своем «Государе» Макиавели с подлинной страстью яступил против классического феодализма и изложил теорию создания крупного государства. У Никольсона совершенно выпали описание и анализ дипломатии феодализма, его нападки на итальянскую систему только показывают, каких муках происходил процесс распада классического феодализма, уступая свое место более высокой ступени развития — феодально-дворянской абсолютной монархии, в рамках которой ранний капитализм получил более широкие возможности для своего развития.

Г. Никольсон с явной досадой отмечает успехи книги «Государь» в Западной Европе, куда переместились из Италии центры развития новых капиталистических отношений. Такие монархи, как Карл V, Филипп II и Генрих IV, с эльзским вниманием прислушивались к советам Макиавелли. И это понятно: они стремились обуздать и подчинить себе феодалов и создать прочную власть в интересах крупного дворянского землевладения, но в то же время покровительствовали молодой буржуазии в городах, извлекая значительные выгоды из развития цеховых ремесел и торговли. Товарное производство все шире и шире охватывало крестьянство, что приводило ко все большему росту противоречий между крестьянством и дворянством, а также между городами с их купеческим и ремесленным населением, с одной стороны, и феодально-дворянской и церковной властью — с другой. Примерно таким же путем происходил распад феодальных удельных княжеств на Руси. Возышение Москвы и «собирание земель» московскими князьями также вели к созданию абсолютной монархии, заинтересованной в урегулировании отношений с соседями, в получении новых торговых путей и т.д. Постепенно возникали ации и национальные государства, но все это происходило результате длительного исторического процесса и далеко не сразу было понято современниками. На церковном соборе в Пизе в 1409 году все участники, и в том числе послы католических государей, были разделены на четыре нации: гальянскую, французскую, германскую и испанскую. Объятие «нация» было еще очень туманным, и к «германской нации» были отнесены Германия, Англия, Дания, Ивеция, Норвегия, Чехия, Польша и Венгрия. «Итальянская нация» также не составляла действительного единства, которое пришло более чем через четыре столетия. У фран-

цузов, англичан и испанцев это произошло быстрее благо даря ускоренному темпу развития капитализма.

Макиавелли хотел именно этого. Он писал: «Словно по кинутая жизнью, ждет Италия, кто же сможет исцелить ее раны, положить конец разграблению Ломбардии, поборав в Неаполе и Тоскане, излечить давно загноившиеся язвы» Называя варварами французов, немцев и испанцев, грабивших Италию, Макиавелли заканчивает работу «Государь» страстным призывом к своим согражданам: «Каждому из нас нестерпимо тошно от этого варварского господства» и в заключение приводит слова Петрарки: «Доблест ополчится на неистовство, и краток будет бой, ибо не умерла еще древняя храбрость в итальянской груди»*. Слова Петрарки мог бы вполне повторить Гарибальди в XIX веке

Французская система. Г. Никольсон считает осново положниками этой более современной системы дипломатических сношений Гуго Гроция как теоретика международного права и крупнейшего государственного деятеля Франции Ришелье — как практика. Никольсон необоснованно резко противопоставляет французскую систему итальянской. На самом деле одна продолжает другую. И поэтому не случайно Ришелье не только не отвергал Макиавелли, напротив, пользовался многими его советами. В своем «Политическом завещании» Ришелье писал, что ради сохранения государства все средства хороши, и рекомендовал суровые меры против тех, кто пренебрегает законами или распоряжениями государства. Он писал: «Бич, который является символом правосудия, никогда не должен оставаться без применения»**.

Ришелье осуществлял власть короля и дворянства в стране, где основной массой населения были полунищие крестьяне, закабаленные своими помещиками-дворянами или монастырями. Абсолютная монархия, где все командные посты занимали дворяне, с одной стороны, подавляла своеволие и заговоры феодальных кругов, а с другой стороны, принимала все меры против рвущейся к власти молодой городской буржуазии и массы трудящихся горожан, не довольных остававшимися феодально-дворянскими порядками.

* Н. М а к и а в е л л и, Сочинения, т. I, стр. 325, 329.

** Цит. по: «История дипломатии», т. I, Госполитиздат, 1959, стр. 238.